

"ВОЗВРАЩЕННАЯ" ЛИТЕРАТУРА В ПОИСКАХ МИЛОСЕРДИЯ
(на материале творчества И. Шмелева и Б. Зайцева)

Н. В. Бардыкова

Творчество И. Шмелева и Б. Зайцева — мало-освоенный пласт "возвращенного" искусства, помогающего нам переосмыслить роль религии, церкви, высшей нравственности, той прозы, которая поднималась до религиозного взгляда на мир и человека. Их наследие — косвенная, опосредованная полемика с литературой, удалявшейся от православной культуры и от культуры российской государственности.

Шмелев, мечтавший "поставить Россию под православные знамена", был убежден, что только с помощью церкви возможно возрождение Руси. Мир "Лета Господне", "Богомолья", "Родного", увиденный как мир русского бытового православия, поэтически отражал такие высокие категории, как нация, народ, Россия. Пушкинские строки, ставшие эпиграфом к "Лету...", — это и ключ к пониманию его главной идеи. "По воле Бога самого" обретаем мы патриотическое чувство ("любовь к родному папелищу, любовь к отеческим гробам"). На этом, по мнению обоих писателей, строится "самостоянье человека, залог величия его". В служении родной земле, в духовной близости со своими предками, в поддержании их традиций, обрядов, верований, в трогательном поклонении ее святыням определяет Шмелев смысл жизни русских людей.

Черда дней, недель, месяцев, с их "праздниками, радостями и скорбями" составляет единое целое, неразрывную цепь прошлого, настоящего, будущего, подчеркнутую и самой кольцевой композицией повести. "То, что он живописует, — отмечает выдающийся мыслитель И. Ильин, которому и посвящена книга, — есть русский человек и русский народ — в его подъеме, в его силе и слабости, в его умилении и окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве. Это национальное толкование национального".

По Шмелеву, истинное православие — основополагающая черта нашего национального характера: не случайно образ православной церкви — полноправный герой произведения. Автор предлагает читателям только один выбор: национальное благочестие, родовую и историческую Память, органическое, почвенное слияние с народом, патриотическую одушевленность, душевную щедрость и милосердие. Спасение России, ее величия и державности — в возрасте на прер-

ванный тысячелетний путь, в объединении слова и дела, воли и веры всей нации.

Удивительны по поэтичности, духовному свету, православному пылу и произведения Б.Зайцева ("Путешествие Глеба", "Повесть о вере", "Голубая звезда"). Сегодня, когда мы забыли многое из своего духовного прошлого, утратили генетическое и религиозное самоощущение личности, рода — племени, нации, народа, живительным окажется обращение к заветам великих подвижников земли русской — Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому и их жизнеописаниям. Зайцев в "Преподобном Сергии Радонежском" вывел образ духовного лидера, воплощающего национальную совесть и справедливость. Писатель показал, что, когда время востребовало Сергия, тогда народ одержал победу над врагом. Угроза полной потери государственности и национального достоинства была осознана им как вопрос самого исторического бытия России.

Летописно-спокойно Зайцев повествует об отроке Варфоломее, удалившемся в леса отшельником, забывшем о материальных благах и телесных радостях, достигшем власти над своими прихотями и страстями, постригшемся в монахи под именем Сергия, оказавшемся в последствии "учителем и миротворцем, ободрителем князей и судьей совести". Скромность, кротость, духовная просветленность, мужество самостояния, умение взять ответственность на себя — основные качества пастыря, завоевавшего огромный нравственный авторитет, давший ему право благословить Дмитрия Донского на Куликовскую битву, на испытания и жертвы. "В поединке Руси с Ханом имя Сергия навсегда связано с делом созидания России".

В тяжелые времена крови, насилия, свирепости, предательства, подлости Преподобный подает пример подвижничества, "учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере". Но он же напоминает о необходимости осмысления нашего национального "я", духовных начал и места в истории.

Шмелев и Зайцев, признававшие принадлежность лишь к одной литературной школе — школе гуманизма, звали активно творить добро и милосердие, верили в возможность нравственного очищения, во всеобъемлющую силу духовности. Их бережное, исповедальное, проповедническое слово врачует душу и сегодня.